

Самый стильный ведущий

Сын учительницы и инженера, родившийся в славном городе Череповце, что в Вологодской области, окончивший журфак ЛГУ и поехавший после этого работать домой, в провинцию, случайно попавший на телевидение и ставший там звездой первой величины, Леонид Парфенов на редкость воспитан и интеллигентен. Говорит очень тихо, и неизвестно, кричит ли когда-нибудь. Но, судя по тому, как к нему обращаются сотрудники, его все же не просто уважают, его побаиваются.

- Какая у самого крутого ведущего на телевидении машина?

- "Самый крутой" пусть будет на вашей совести.

- Хорошо, на моей. Так какая?

- Я не вожу автомобиля. И прав нет, и не умею. Я не умею делать трех вещей, о которых все думают, что я-то умею обязательно: я не вожу машину, не знаю английского и не умею обращаться с компьютером.

- Ну вы же такая крупная фигура, взяли бы себе какую-нибудь стажировку в США месяца на два, на три, да и выучились бы хотя бы языку.

- Какая стажировка! Какие три месяца: я двух выходных в неделю не имею. Да я и одного не имею!

- Ну да, вы как Ленин: не спите, не едите, все работаете и работаете...

- С Лениным меня объединяет наша общая перманентная борьба с усталостью. Хронический недосып отравляет почти каждый мой день. В машине я засыпаю, пока успеваю зажигание включить. И в самолетах всегда сплю. Одно удовольствие: сразу как сел, ремни пристегнул, чтобы стюардессы потом не трогали, и заснул.

- Вы, небось, и учились так же, без сна и отдыха? Отличником были?

- В школе - хорошистом, а в студенческие годы я больше работал, чем учился на журфаке.

- Работали - в смысле вагоны по ночам разгружали?

- Отчего же? Писал, сотрудничал в не-

скольких газетах и никогда не занимался ничем другим, кроме журналистики. Я вообще никогда не понимал такого подхода к жизни, когда вместо того, чтобы хорошо заниматься своим делом, человек живет натуральным хозяйством. Меня бесит эта, не знаю, какая-то азиатская дикость. Например, шофер. Ему надо кормить семью, но он не старается больше работать за рулем. Он выбивает себе земельный участок, ездит за тридевять земель сажать картошку, как-то ее возделывает, убирает, хранит зимой, чтобы не посохла, не погнила, словом, тратит массу времени и сил. И это вместо того, чтобы заработать своим ремеслом. Или, допустим, забилась раковина. "Да ты чё, не мужик? Сам раковину сделать не можешь?" А зачем мне ее делать, если существует профессия слесаря?

- Хорошо, мешки вы на себе не таскали, но как вы сразу, не учась, стали работать в газете?

- Журналист - это профессия, которая приобретается только на практике, только с опытом работы. Есть данные - будет получаться, нет - никакой университет не научит. Хочешь быть журналистом, так иди и работай, пиши. А журфак - это странное недоразумение. Во всем остальном мире нет высших учебных заведений, специально учащих журналистике.

На журфаке реальной профессии не получишь. И я недоумеваю, почему туда стремится столько народу. Ладно раньше, когда без трех вещей - славянской национальности, принадлежности к партии и образования по специальности - не то что карьеры нельзя было сделать, просто работать было трудно. Но теперь-то кому нужны эти корки?

Когда я говорю о бесполезности журфака, это не означает ненужности образования вообще. Потому что, когда начинаешь работать, времени на какое-то самообразование не остается. Взять американскую журналистику, лучшую в мире. Там работают люди с образованием, имеющие дипломы не журналистов - там таких просто нет, а по социологии, культурологии, истории, философии и так далее. У меня есть тоже вторая специальность - балканистика.

- Ни с кем так отношений и не испортили? Вы производите впечатление человека неконфликтного, но есть хоть кто-то, на вас обиженный?

- Нет. В свое время очень гордился выпу-

ском "Портрет на фоне" с Шеварднадзе и Гамсахурдиа - передача понравилась обоим героям.

Недоброжелателей нет, зато хватает недовольных. Тем, что я не борюсь с продвижением Жириновского, не освещаю его в должном свете. Случается выслушивать рекомендации типа "в этот тяжелый час", "родина в опасности", "гражданином быть обязан", "должен занять место на баррикадах", "определиться с позицией"...

- То есть вы воздерживаетесь от каких бы то ни было оценок?

- Да это вообще не мое дело - давать оценки. Один мой знакомый американский журналист, теперь работающий в "US News...", сказал хорошо, но чуть пышно по этому поводу: "Журналист - это не Фемиды, а грузчик у ее весов". Вот и я не даю оценок, не сужу, а "нагружаю" весы судьи, то есть зрителя, рассказами о событиях, которые он сам оценивает.

- Но как журналист-практик вы можете объяснить, почему так многое зависит от того, как скажут о той или иной проблеме по телевизору? Откуда такая значимость?

- Сегодня телевидение стало практически единственным средством выражения массовой культуры. Потому что вместе с кинопрокатом рухнуло отечественное кино как массовое развлечение; развалилась книжоторговля, почти сошли на нет тиражи газет. И телевидение осталось стоять одно на этих развалинах. И еще тесно связанная с ним эстрада. Она тоже занимает умы и сердца миллионов россиян. То есть осталось всего два пути востребованного выражения массовой российской культуры: ТВ и эстрада. А чаще одно - телеэстрада.

Все остальное до людей не доходит. Ведь и фильмы снимают, как, например, "Мусульманин" или "Особенности национальной охоты в осенний период", ныне обходящие мировые кинофестивали. И Кирилов с Приговым пишут замечательные стихи. Но это остается неизвестным. А знают все только то, что исходит от ТВ или эстрады. "То поправит скатерть, То вздохнет украдкой, Извинитесь, что не точены ножи" - за последний год очень многие запомнили наизусть только это стихотворение. Тексты Шуфутинского и Резника или Кемеровского и Агутина - сегодня люди знают только эту поэзию - ту, которую слышали с экрана.

Петр МОРОЗОВ

я - молодой, приехал к "Аргументам и фактам"

~ 20. 43.

Парфенов Леонид

95.